

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

ПУТИ И ЦЕЛИ СТРУКТУРАЛИЗМА

От редакции. Статья К. Хансена, напечатанная в «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik» (Jg. 6, Hf. 4, 1958), представляет собою попытку в общем очерке охарактеризовать три основные теоретико-лингвистические направления современного структурализма. Автор отдает явное предпочтение американской дескриптивной школе структурального изучения языка. По его мнению, пражскому направлению, основоположниками которого являются Н. С. Трубецкой и В. Матезиус, больше подходит наименование «функционализм». Копенгагенское течение структуральных исследований языковой системы, связанное с именами В. Брёндаля и Л. Ельмслева, К. Хансен считает непродуктивным. Возможно, что предпочтение, оказываемое К. Хансеном американской дескриптивной школе, до некоторой степени обусловлено теми историческими связями, которые существовали между Л. Блумфилдом и немецкими младограмматическими исследованиями и исследователями. Статья К. Хансена, так же как и опубликованный в предыдущем номере обзор Сьюй Го-чжана, является откликом на дискуссию, ведущуюся на страницах нашего журнала. Статья К. Хансена печатается с некоторыми сокращениями.

1

В 1953 г. один из видных представителей структурализма и в то же время один из издателей журнала «Word» — А. Мартине писал следующее: «Большинство выдающихся теоретиков лингвистики — убежденные и активные структуралисты. На международных съездах их научные противники обычно остаются в тени, а взрывы антиструктурализма стапоятся реже. Однако, по крайней мере в Европе, непроизвольные реакции снизу являются признаком того, что широкие круги лингвистов занимают отрицательную позицию по отношению к „эксцессам“ структурализма»¹. Уже самый поверхностный обзор произведений, опубликованных за последние годы, и учет результатов работы созаввавших за это время лингвистических конгрессов, кажется, убеждает в правильности этих слов. Термин «структура» и все другие производные от него слова буквально наводняют названия книг и статей². Даже если учесть, что в общем едва ли найдутся два автора, понимающих под этим термином одно и то же, и что структурное рассмотрение языка вовсе не пуждается в термине «структуралистский», то остается фактом, что так называемый «структурализм» представляет собой не просто модное явление, а практически превратился в господствующее течение в буржуазной — да и не только буржуазной — лингвистике³. Такое распространение структурализма прежде всего объясняется тем, что он в корне порывает с традиционными и часто фактически недостаточными представлениями и что целый ряд видных ученых находят в нем долгожданный выход из того тупика, в который к началу нашего столетия попала лингвистика, как и вообще вся буржуазная наука. «Структурализуют» в настоящее время не только во всей Западной Европе и Америке, но и в Чехословакии, Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Японии, а с недавнего времени и в Советском Союзе. Лишь одна страна — Германия, которая отнюдь не потеряла своего значения для лингвистики, упорно воздерживалась от дискуссии. Причины этого следует искать, во-первых, в том, что немецкое языкознание в значительной мере все еще твердо держалось традиций младограмматиков, традиций, которыми в высшей степени гордится немецкая лингвистика (ср. грамматики древневерхнемецкого, средневерхнемецкого, готского и других языков); во-вторых же, в том, что в немецкая лингвистика была во время второй мировой войны, а частично и теперь остается изолированной наукой.

Следует отметить, что «взрывы антиструктурализма», о которых говорит Мартине, относительно редки и не всегда достаточно убедительны, несмотря на то, что чересчур смелые выступления многих структуралистов могли бы их вызвать. Особенно это сказывается в рецензиях журнала «Language», в которых часто вся «доструктуралистская» лингвистика широким жестом отбрасывается в область донаучного периода развития

¹ A. Martinet, Structural linguistics, сб. «Anthropology today», Chicago, 1953, стр. 574.

² Ср., например, «Language», vol. 29, № 1, 1953, стр. 99.

³ М. Коэн говорит уже о «структуралистской эре» («Современная лингвистика и идеализм», ВЯ, 1958, № 2).

языкознания. Так, например, Э. Бегби Этвуд (Техасский университет) следующим образом отзываясь об одной швейцарской диссертации¹: «Ясно, что Сутер не связан строгой методологией современной лингвистики. Его подход — доструктуралистский и в основном нелингвистический. Было бы, однако, неправильным больше не производить исследования подобного рода; нет сомнения, что такие исследования могут действительно приносить пользу лишь в том случае, если лингвистические теория и методология более широко применяются практически»² (термин «лингвистический» здесь отождествляется с термином «структуралистский»). Структуралистские методы подверглись критике со стороны советских лингвистов, особенно в связи с появлением работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Естественно, речь шла прежде всего о философской основе этих учений, начиная от механистического материализма (как, например, у Блумфилда) и кончая крайним идеализмом (как у Ельмслева), что, как ни парадоксально это звучит, в основном сводится к одному и тому же — недооценке сущности языка, в особенности к недооценке его общественного характера. Хотя эта критика и была верной и необходимой, временами все же за философией забывали лингвистику и поступали довольно поспешно, когда со структуралистами раздвигались как с «идеалистами» и «реакционерами». Нужно при этом заметить, что нельзя говорить о лингвистике, не связывая ее с какой-либо идеологией. Известно, что Маркс не отбросил, как это сделал Фейербах, идеалистическую систему Гегеля вместе с его диалектическим методом, а поставил ее с головы на ноги; и если сравнения не всегда убедительны, то по крайней мере можно задать вопрос, может ли марксистское языкознание успешно пользоваться тем или другим методом структуралистов. Кажется, именно этот вопрос в настоящее время волнует советских ученых, о чем свидетельствует оживленная дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы языкознания». Наряду с голосами, выражающими отрицательное отношение, можно услышать также — и особенно в последнее время — голоса, положительно отзывающиеся об этом течении, хотя и не лишенные элементов критики. Так, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Выясняя, что такое структурализм, мне кажется, надо прежде всего отказаться от господствовавшей долгое время в нашем языкознании практики, которая заключалась в том, что это лингвистическое течение рассматривалось как философская система... Прежде всего, думаю, надо признать, что структурализм — это течение в языкознании, а не философская система и что, следовательно, оценка структурализма должна основываться на роли этого течения в развитии языкознания как науки»³.

Широкая дискуссия со структуралистами, которая охватывала бы не только философскую основу этого направления, но и ее языковой научный метод, еще не имеет места, и это происходит по двум причинам: с одной стороны, потому, что ученые, которые могли бы осуществить это, не знают структурализма, да и не пытаются что-либо узнать о нем; с другой стороны, потому, что структурализма вообще не существует, а возможно, и вообще никогда не будет существовать. Вплоть до настоящего времени под «структурализмом» понимается такое множество различных взглядов и школ, что справедливая оценка становится возможной лишь на основе анализа деятельности всех крупных представителей этого направления. Отсюда понятно, почему А. Мартинет разочарованно констатирует: «Можно было бы применить термин „структуралист“, к любому лингвисту, который считает себя таковым, и признать структуралистской любую лингвистическую школу, которая работает под знаменем структурализма»⁴.

Однако я хотел бы указать 4 момента, типичных для взглядов структуралистов на язык: 1) взгляд на язык как на структуру *sui generis*, свободную от всякого отношения к внеязыковой реальности, и прежде всего от носителя языка; 2) изучение языка в синхронной плоскости; 3) изучение языка, исходя из его формы как системы чистых отношений, часто независимых от своей фактической реализации; 4) попытка приравнять языкознание к «чрезвычайно передовому уровню других наук», вернее к естественным наукам, сделать его точной наукой.

Следует, однако, иметь в виду, что структуралистский метод находится еще в стадии разработки, как это постоянно подчеркивают сами структуралисты. То, что уже существует, лишь наметки, имеющие программный характер. Когда хотят показать, как выглядит или должно выглядеть структуралистское описание языка, то обычно пользуются примерами из самых различных языков. Однако подробный, последовательный и прежде всего удовлетворительный структуралистский анализ какого-либо конкретного языка все еще отсутствует. Теория и практика (в зависимости от роли последней) не всегда равноправны. Практика, в особенности у американцев, является определяющей для теории. В результате приходится идти на компромиссы. И все же именно проверка и отбор различных методов и взглядов требуют критического рассмотрения структурализма, ибо это дает нам возможность, принимая или отклоняя структуралистский метод, извлечь пользу и для собственной работы.

¹ K. S u t e r, *Das Pronomen beim Imperativ im Alt- und Mittelenglischen*, Zürich — Aarau, 1955.

² «Language», vol. 33, № 2, 1957, стр. 245; ср. также E. H a u g e n, *Directions in modern linguistics*, «Language», vol. 27, № 3, 1951, стр. 211.

³ М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, Несколько замечаний о структурализме, ВЯ, 1957, № 1, стр. 35.

⁴ A. M a r t i n e t, указ. соч., стр. 574.

Структурализм возник не случайно. Структурализм — это своего рода реакция на господствующее до сих пор учение младограмматиков. Как каждое научное течение, он имеет своих предшественников, например, с одной стороны, в лице Боудуэна де Куртене и его ученика Крушевского, выступивших с исследованиями о понятии фонемы, исследованиями, заложившими основу современной фонологии в том виде, как она была разработана представителями пражской школы (прежде всего Н. С. Трубецким и Р. Якобсоном), с другой стороны, в лице Ф. де Соссюра, который, хотя и на идеалистической основе, выявил социальную обусловленность и системный характер языка и подчеркивал примат синхронного рассмотрения языка по отношению к диахронному.

Я должен отказаться здесь от более подробного рассмотрения фонологии, без которой немислим был бы не только структурализм, но и современное языкознание вообще¹. Наиболее важным в этой связи является учение Ф. де Соссюра, которое оказало решающее влияние на все школы структурализма, особенно на Л. Ельмслена и копенгагенскую школу, более или менее косвенно — на развитие европейских школ, а от них и на американцев.

Собственным объектом языкознания, согласно де Соссюру, является язык (*la langue*); при этом существенно то, что он рассматривает его как социальный факт (*fait social*), тем самым сознательно выступая против индивидуалистического взгляда на язык, характерного для младограмматиков. Правда, он едва ли делает практические выводы из этого для своего труда. Истолкование языка как «*fait social*» противоречит даже его определению языка «как системы знаков, в которой единственно существующим является соединение смысла и звукового образа и в которой обе стороны знака одинаковым образом относятся к области психики»². Таким образом, эта система существует сама по себе, заключена в самой себе, независима от своей конкретной реализации, а сосюрское «общество» оказывается идеальной абстракцией. Все, что чуждо системе, относится к внешней сфере языкознания, например, отношение между языком и политической историей, отношение языка к различным общественным устройствам (церковь, школа и т. д.), а также отношение между историей языка и историей рас или культур. Все эти отношения не отрицаются Ф. де Соссюром; напротив, он пишет: «На наш взгляд, изучение внешних языковых явлений — очень плодотворно. Но (!) было бы неверным утверждать, что без них нельзя было бы знать внутреннего организма языка»³.

Как систему знаков язык можно сравнить с другими системами подобного рода: с письмом, с азбукой глухонемых, с символическими ритуалами, формами вежливости или военными сигналами. «Языкознание — только часть широкой общей науки, которая исследует жизнь знаков в рамках социальной жизни, эта наука могла бы стать частью социальной психологии и вследствие этого частью общей психологии»⁴. Соссюр называет эту науку «семиологией» (греч. *semeton* «знак»).

Лингвистическая концепция де Соссюра содержит положение, имеющее большое значение для структурализма. «Язык — система, части которой могут и должны рассматриваться в их синхронном взаимоотношении»⁵. Соссюр требует строгого разграничения синхронного (статического) и диахронического (эволюционного) подхода к языку, причем синхрония у него выдвигается на первый план. Это ясно вытекает из его определения языка как системы ценностей, так как если все языковые явления следует рассматривать в системе, в их отношении друг к другу, то это можно сделать только при синхронном способе рассмотрения. Однако он не может отрицать существование фактора времени — «этого великого препятствия к рациональности», как его называет Брёндаль⁶, но предполагает все-таки, что практически существуют более или менее долгие промежутки времени, в пределах которых сумма изменений относительно ничтожна. Кроме того, он считает диахронные явления за «исключительно особые случаи», так как изменение системы происходит только под влиянием событий, которые не только ей чужды, но которые также изолированы и не образуют между собой систему⁷. Изменения, как он думает, касаются в первую очередь какого-либо отдельного звена в системе, но не системы в целом. Мало того, они нарушают систему. В конечном счете все изменения коренятся в речи, т. е. вне системы. Поэтому не может существовать никакого внутреннего отношения между этими изменениями и теми следствиями, которые вытекают из них для системы. Само собой разумеется, де Соссюр не мог

¹ Ср.: G. Dietrich, *Das Phonem und die Phonologie*, «Zeitschr. für Anglistik und Amerikanistik», Jg. 5, Hf. 4, 1957; A. V. Isačenko, *Hat sich die Phonologie überlebt?*, ZPh, Bd. 2, Hf. 4, 1956; С. К. Шаумян, *О сущности структурной лингвистики*, ВЯ, 1956, № 5.

² F. de Saussure, *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*, Berlin — Leipzig, 1931, стр. 18.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 103.

⁶ V. Brøndal, *Linguistique structurale*, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, Copenhagen, 1939, стр. 7.

⁷ F. de Saussure, *Grundfragen...*, стр. 113.

оспаривать того, что каждое изменение имеет обратное влияние на систему. Однако создается такое впечатление, что система языка следует не закономерному процессу постоянного движения и изменения, а что будто бы она изменяется скачкообразно и случайно¹.

Но прежде всего не надо забывать следующего. Если де Соссюр не признает спонтанного характера диахронных явлений, то он исходит из работ своих учителей — младограмматиков, и его требование о примате синхронного рассмотрения языка в своей основе представляет собой только необходимую антитезу атомистическому и историко-эволюционному методу рассмотрения языка младограмматиками, который соответствовал уровню современной им науки. Там, где де Соссюр обращается к вопросам диахронии (в 3-й части своей книги), он все еще стоит на позициях своих учителей.

Структуралисты, за исключением, может быть, пражской школы, абсолютизируют как раз синхронное рассмотрение языка, несмотря на то, что уже де Соссюр признавал, что строгое разделение диахронии и синхронии, хотя и является идеалом, но практически не всегда осуществимо. В своем стремлении к созданию точной науки ученые пытались избежать всего, что не относится к прямому описанию и одновременно ставит под вопрос научность всего построения. Не говоря о немногих ранних трудах (например, «Принципы исторической фонологии» Р. Якобсона, TCLP, 4, 1931), в последнее время некоторые исследователи², кажется, стремились к синтезу, например А. Мартине.

3

Де Соссюр в основном лишь поставил задачу, но не показал пути к ее разрешению. В последнее время это пытаются сделать структуралисты, которые исправляют его положение, систематизируют, развивают дальше и при этом частично доходят ad absurdum. В целом под общим названием «структурализм» можно объединить следующие 3 школы: 1) пражская школа (Cercle linguistique de Prague); 2) копенгагенская школа (Cercle linguistique de Copenhagen); 3) американская школа или, лучше, американские школы, которые ведут начало от Л. Блумфилда, в меньшей степени от Э. Сепира, причем в такой же мере, а может быть, и более удачно для этой школы можно было бы выбрать название «функциональная лингвистика», «глоссематика» и «дескриптивная лингвистика». При этом не надо забывать того, что за этими группировками кроется множество различных мнений и методов. Если придерживаться хронологии, то нужно начать с пражцев. Однако по некоторым причинам, о которых будет речь ниже, я обращусь прежде всего к копенгагенской школе.

Копенгагенская школа (глоссематика)

Копенгагенский кружок возник в 1933 г. под руководством двух известных ученых — В. Брёндаля (1887—1942) и Л. Ельмслева (род. 1899). Копенгагенский кружок, особенно Л. Ельмслев³, очень ярко и последовательно развил идеи де Соссюра, при этом, однако, все более и более удаляясь от конкретных данных языка.

В стремлении к универсальности теории Ельмслева достигла такой высокой степени абстракции, что, естественно, оказалась бесполезной при исследовании конкретных языковых явлений. Влияние теории Ельмслева на рабочие методы его учеников оказалось даже вредным. Хаммерич намеряло, но метко заметил по этому поводу: «У Ельмслева есть талант к абстракции, но он не интересуется наблюдениями. Можно даже сомневаться в том, разрешил ли он когда-либо в своих структуралистских работах проблемы, не поставленные им самим»⁴.

Проникнутый духом науки своего времени, для которого характерно тяготение к математике, пытаюсь везде видеть лишь системы, он стремится к своего рода «linguistique linguistique» или «linguistique immanente»⁵, к точному исследованию языка при помощи чисто лингвистических предметно-имманентных понятий при отрицании существования материи (ср. положения современной физики). Его цель — «алгебра языка, оперирующая неопределенными единствами, т. е. произвольно названными

¹ Еще отчетливее подобный взгляд изложен у В. Брёндаля, который говорил о «резких прыжках от одного состояния к другому» (см. V. B r ö n d a l, Linguistique structurale, стр. 4 и сл.).

² Литературу см.: М. И. Стеблин-Камарский, указ. соч., стр. 37 (примеч. 1); Р. Г. Пировский, Структурализм и языковедческая практика. (Возможна ли структуральная диалектология?), ВЯ, 1957, № 4, стр. 28 (примеч. 6) и стр. 29 (примеч. 1).

³ Хотя Ельмслев подчеркивает оригинальность своей теории, однако, как замечает ученик де Соссюра — Ш. Балли, Ельмслев просто правильно истолковывает следующее положение Соссюра (последнее предложение «Курса»): «Единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» (ср. L. H j e l m s l e v, Structural analysis of language, «Studia linguistica», année I, № 2, 1947, стр. 74).

⁴ L. L. H a m m e r i c h, Les glossématises danois et leurs méthodes, «Acta philologica Scandinavica», Bd. XXI, Hf. 1, 1950, стр. 4.

⁵ Ср. L. H j e l m s l e v, Editorial, «Acta linguistica», t. IV, fasc. 3, 1944, стр. VIII.

единствами, получающими мотивированное название только при соотношении с субстанцией». Это сразу же исключает всякое отношение к внеязыковой реальности. Язык рассматривается на основе своей внутренней логики как абстрактная, семиологическая система, которая существует независимо от своей фактической или возможной реализации.

В томе I «Acta Linguistica» (Нф. 1) Брэндалл подводит итог прежним лингвистическим исследованиям и предлагает свою программу. Вслед за де Соссюром он излагает структуральную точку зрения на язык в его общности (структуре), в его единстве (langue) и его тождестве (синхрония). Язык (la langue), который сравнивается с понятием вида в биологии, он понимает как «чисто абстрактное единство, высшую норму для индивидов, совокупность важнейших типов, которые реализуются ,солидарными» явлениями, так что каждое из них зависит от другого и может быть самим собой лишь в отношении к системе и вследствие своего отношения к системе».

Брэндалл понимает структуру как «самостоятельный объект». Его целью является построение общей или логической грамматики. В связи с этим возникает вопрос о правомерности пахронического или ахронического рассмотрения языка, при которых последуют общечеловеческие факторы, действующие на протяжении всей истории языка вообще, а следовательно, также и на каждой стадии развития каждого отдельного языка.

Ельмслев рассматривает язык не как конгломерат физических, физиологических, психологических, логических и социологических, иначе — неязыковых, явлений, а как «самодовлеющее целое, структуру sui generis»¹ и старается создать теорию языка, которая была бы настолько абстрактной и общей, что могла бы применяться не только к любому возможному тексту на любом возможном языке (все равно, встречался ли он ему на практике или нет), но и к текстам и языкам, которые, может быть, никогда не были реализованы и никогда не реализуются.

Основой этого является исключительно формальная система предпосылок, и прежде всего одна «константа», которая, по мнению Ельмслева, дает возможность возвести какой-либо язык в статус языка и благодаря которой каждый конкретный язык во всех формах его проявлений становится идентичным самому себе. Эта константа не содержится, однако, в какой-либо «реальности» вне языка, а, напротив, после ее обнаружения может быть проецирована на эту реальность. Указанная константа — это «система», и Ельмслев исходит из предположения, что каждому тексту, полученному на основе опыта, соответствует система, при помощи которой может анализироваться текст.

Вслед за Соссюром истолковывая язык как систему чистых ценностей, Ельмслев требует, чтобы лингвистика изучала не звуки, письменные знаки и значения как таковые, а изображенные с их помощью элементы корреляции, так как именно они для Ельмслева являются реальными языковыми единицами и образуют внутреннюю систему языка, отличающую его от других языков. Реализация этих взаимосвязанных в форме конкретных звуков, письменных знаков или значений незначительна для системы, так как языковой знак существует имманентно, независимо от своей реализации. Таким образом, несущественно, передаем ли мы что-либо на датском языке устно, письменно, посредством азбуки Морзе или флажных знаков. Во всех случаях мы имеем дело с датским языком, а не с четырьмя различными языками, если только сохраняются связи между отдельными элементами. Фонетика и семантика при этом являются лишь вспомогательными дисциплинами собственно лингвистики: лингвистика описывает модель отношений, отвлекаясь от сущности самих соотносимых единиц, фонетика же и семантика вскрывают сущность этих последних лишь путем описания отношений между их частями и частями их частей. Это значит, что фонетические и семантические данные должны следовать или логически выражаться в терминах отношений, в терминах формы, а не субстанции. Логически выражаясь, лингвистика — это метаязык первой степени, тогда как фонетика и грамматика — метаязык второй степени.

Ельмслев указывает на тесную связь структурализма с логической теорией языка в том виде, как она разрабатывалась такими учеными, как Уайтхэд и Рассел, а также венской школой (прежде всего Карнапом). Независимо от лингвистики и в тесном контакте с математикой Карнап, рассматривая понятие структуры, подобно Ельмслеву, отводит структуре связи первенство по отношению к ее членам и говорит о структурном описании как о высшей степени формализации и дематериализации.

Объем настоящей работы не позволяет мне рассматривать различные виды отношений, которые могут возникнуть между языковыми элементами. Однако следует коротко разъяснить понятие функции, которое играет большую роль для Ельмслева. Под функцией он понимает отношение зависимости между двумя величинами, так называемыми «функцивами», причем «функцив» он истолковывает как величину, которая имеет функцию по отношению к другим величинам. Пример этому — знак. Знак представляет собой единство двух функцивов, содержащих и выражения (точнее — формы содержания и формы выражения), которые связаны функциями знаков. Содержание и выражение «солидарны», т. е. предполагают друг друга. Это соответствует соссюровскому объяснению знака как соединения означаемого и означающего.

¹ L. Hjelmslev, Prolegomena to a theory of language, Baltimore, 1953, стр. 2.

Понятия «содержание» и «выражение» не истолковываются в своем традиционном смысле как значение или звуковой образ (форма акустического звука), так как языковой знак существует независимо от своей реализации. Для существования знака нет необходимости, чтобы его содержание было реальностью, отраженной сознанием, а его выражение реализовалось бы языковыми звуками. Содержание и выражение — это только произвольно выбранные обозначения для обоих функций знака. Их функциональное определение не дает оснований называть одно, а не другое из этих единств «выражением» или «содержанием»¹.

Выражение и содержание нельзя также сравнивать с формой и субстанцией, ибо Ельмслев пользуется последними двумя понятиями как в плоскости выражения, так и в плоскости содержания и говорит о форме выражения и субстанции выражения, геср. о форме содержания и о субстанции содержания. Ельмслев развивает положение де Соссюра, который утверждал, что язык, вырабатывающий свои единицы между двумя бесформенными массами («массой» мыслей и «массой» звуков), есть форма, а не субстанция. Бесформенная «масса» мыслей, как и бесформенная «масса» звуков, существует поэтому лишь как субстанция для формы. Форма содержания, геср. форма выражения, преобразует эту «массу» мыслей, формирует ее в субстанцию (в субстанцию содержания, геср. в субстанцию выражения). Особая структура каждого языка вытекает, следовательно, из того, что каждый язык различно формирует и строит обе эти субстанции. Так, например, в плоскости содержания смысл следующих фраз один и тот же: нем. *Ich weiß nicht*, англ. *I do not know*, франц. *Je ne sais pas*, русск. *я не знаю*. Однако смысл оформлен по-разному. То же относится к плоскости выражения; ср., например, название города Берлина, которое имеет в отдельных языках различное звуковое оформление: нем. [ber'li:n], англ. [bɜ:'lin], япон. [berurin]. Поэтому решающей для Ельмслева остается форма, субстанция же — «лингвистический предмет»². С его точки зрения следует прежде всего изучать язык только как форму, как модель, независимую от употребления³. Ф. Хинтце верно указывал на то, что Ельмслев односторонне понимает отношение формы и субстанции, считая форму константой, а субстанцию переменной и думая, что форма лишь проецирована на субстанцию (F→S). По Хинтце, можно предполагать взаимозависимость (F↔S). Бросается в глаза, что между обоими уровнями — «содержанием» и «выражением» — существует абсолютный параллелизм. Отсюда следует возможность связи между корреляциями в плоскости содержания и корреляциями в плоскости выражения. При помощи коммуникативных текстов можно решить, являются ли две языковые единицы двумя «инвариантами» (например, двумя фонемами) или только двумя «вариантами» одного инварианта (например, двумя аллофонами, двумя членами одной фонемы). Так, *i*, *e* в словах *pit* и *pet* — инварианты, так как корреляция *i* — *e* в плоскости выражения соответствует корреляция обоих содержаний (*pit* — *pet*) в плоскости содержания. «Важно учесть, что рассмотрение либо только выражения, либо только содержания не дает возможности понять структуру языка. Это возможно лишь при учете взаимодействия различных планов»⁴.

В этом основном положении глоссематики предполагается, что в обеих плоскостях (содержании и выражении) речь идет только о формальных отношениях, а не о фактических языковых звуках или значениях. Подобного рода лингвистику, в которой учение о выражении не есть фонетика, а учение о содержании не есть семантика, эту имманентную алгебру языка Ельмслев с 1936 г. называет «глоссематикой» (греч. γλωσσεα).

Из того факта, что только форма является предметом рассмотрения, в то время как субстанция не имеет значения, вытекает следствие, на которое уже указывалось. Этот факт дает возможность перенести познания, добытые при помощи естественного языка, на всякую аналогичную структуру (и наоборот). Ельмслев придерживается здесь уже высказанного де Соссюром понятия семеологии — науки о системе знаков, которое он прежде всего «освобождает» от его социологической и психологической основы. Он считает плодотворным изучать при помощи чисто лингвистических методов «языковые» структуры, которые больше не являются звуковым языком, но которые вследствие своей большой простоты представляют собой образцовые примеры элементарной структуры языка, исключаящие все сложности, возникающие при исследовании более развитой структуры обычного звукового языка. Такими структурами (*langues non-linguistique*) являются, например, световые сигналы светофора, диски автоматических телефонных аппаратов, удар башенных часов, которые отбивают часы и четверть часа, азбука Морзе и азбука стука у заключенных. Собственно звуковой язык (*langue linguistique*) в этой связи рассматривается лишь как частный случай, несовершенный (нелогический) вид реализации языка вообще. Он характеризуется тем, что все другие семеологические структуры могут быть переведены на этот самый язык. То, что исключается из рассмотрения языка, так называемая «внешняя лингвистика», на более высокой ступени анализа снова входит в сферу теории языка (в более широком семеологическом смысле, прежде всего на «имманентной» основе). Теория

¹ L. Hjelmslev, *Prolegomena*..., стр. 37 и сл.

² Там же, стр. 49.

³ L. Hjelmslev, *Structural analysis*, стр. 74.

⁴ L. Hjelmslev, *Prolegomena*..., стр. 48.

языка поэтому, как говорит Ельмслев, занимает ключевую позицию в познании. «Лингвистическая теория следует внутренней необходимости вскрыть не только очертания и использование, цельность и индивидуальность лингвистической системы, но обращает внимание и на стоящих за языком человека и человеческое общество, а также на всю совокупность человеческого знания, приобретенного через язык»¹.

Эти краткие сведения, которые по крайней мере должны указать на направление, по которому развивалась теория Ельмслева, уже показывают, что здесь, если говорить словами О. С. Ахмановой, речь идет о своего рода научном освобождении лингвистики от языка, в той мере, насколько здесь вообще уместно выражение «язык».

Американские школы (дескриптивная лингвистика)

Если можно в чем-либо упрекнуть американцев, то одно, несомненно, можно простить им по сравнению с Ельмслевом и копенгагенской школой: они исходят из абстрактных умозрений не дедуктивно, а индуктивно², чисто описательно (дескриптивно), исходят из конкретного, главным образом разговорного языка, или — чтобы не отступать от терминологии де Соссюра — из речи (*la parole*). Поэтому им часто удается добиться большой полноты материала, но в то же время им никогда не удавалось показать систему отношений конкретного языка, не говоря уже о языке вообще. По этому поводу И. Уотмоу сделал довольно меткое замечание. «Целью, кажется, является достижение полноты путем каталогизации всех возможных фонем и их дифференциальных признаков во всех языках, что можно сравнить с каталогизацией звезд или морского песка»³. Когда они пытаются установить такую систему отношений, это получается лишь в программной форме, причем примеры берутся из целого ряда незнакомых языков (индейских или туземных), которые в большинстве случаев не поддаются дополнительному контролю. Эти «экзотические» неевропейские языки решающим образом повлияли, однако, на метод исследования и теорию дескриптивной лингвистики.

Разбор дескриптивной лингвистики должен начинаться с произведения, которое является для каждого лингвиста-неструктуралиста одним из наиболее фундаментальных трудов, а для структуралистов играет роль библии языковедения, а именно — с книги Л. Блумфилда «Language». Эта книга является исходным пунктом почти всех значительных публикаций американских структуралистов; изложенные в ней положения отселяют на задний план взгляды других школ. Подобно де Соссюру, Блумфилд идет новыми путями только в области синхронии, в области описания языка, при рассмотрении же истории языка он стоит в целом на позиции младограмматиков и находит их взгляды настолько верными, что название «младограмматик» в Соединенных Штатах пользуется хорошей славой и в настоящее время.

Строго следуя учению своих учителей — бихевиористов, Блумфилд сводит язык и мышление к бесконечной цепи раздражений и реакций, причем мышление, по его мнению, не обязательно связано с языком. Он исходит при этом из следующих простых ситуаций: Джек и Джилл идут по улице, Джилл голодна, видит яблоко на дереве, взбирается вверх и достает его. Тот же самый процесс мог бы разыграться и по-другому: Джилл голодна, однако выражает свое требование при помощи языка, после этого Джек лезет на дерево и достает ей яблоко.

В первом случае мы имеем дело с простым процессом S (stimulus) \rightarrow R (response). Реакция Джилл не отличается от реакции животного. В последнем случае практические события (процесс $S \rightarrow R$) прерываются актом говорения, т. е. язык дает человеку возможность реагировать (R), если у другого человека есть стимул (S)⁴. В виде формулы это можно выразить так: $S \rightarrow r \dots s \rightarrow R$. За практическим «stimulus» (S) у говорящего следует «linguistic substitute reaction» (r), которая действует на слушающего как «linguistic substitute stimulus» и которая приводит, наконец, к практической реакции (R). Итак, звуковые волны служат как бы мостом между нервной системой говорящего и слушающего, не действуя на их сознание.

Предметом лингвистического исследования является собственно речевой акт ($r \dots s$), который состоит из элементов голоса, значения которых представляют собой соответственные им элементы раздражения и реакции ($S - R$). Если Блумфилд сводит язык к механизму раздражения и реакции, то это означает в конечном счете, что человек может понять только то, что лежит в сфере его восприятия. Не случайно, что при выборе примеров он обращается к очень простым ситуациям, в которых речь идет об удовлетворении элементарных человеческих потребностей. Язык сводится в конце концов к диалогу. Вместо общества выступают два индивидуума, говорящий и слушающий, которые непосредственно связаны друг с другом речевым актом.

Последовательное применение этой теории Блумфилда к конкретному предмету, построению английских предложений, проводится Фризом в его напумевшей книге «The structure of English». Фриз кладет в основу своего анализа английского пред-

¹ L. Hjelmslev, *Prolegomena...*, стр. 81 и сл.

² L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 20.

³ J. Whatmough, *Mathematical linguistics*, «Reports for the Eight international congress of linguists», vol. 1, Oslo, 1957, стр. 219.

⁴ L. Bloomfield, *Language*, стр. 24.

ложения связь раздражения и реакции и очень умело использует при этом свой материал. Он перехватывает телефонные разговоры в течение 5 — 30 минут (в общей сложности около 50, т. е. свыше 25 000 слов) без уведомления о том слушателя. Этот материал очень подходит для обоснования его теории, так как: 1) речь идет о разговорном языке («университетской общины в северо-центральной части США»¹, об (американском) Standard English; 2) язык здесь фактически сводится к диалогу, так как по телефону могут беседовать лишь два лица; 3) речь идет о простых ситуациях из повседневной жизни, т. е. о своего рода «behaviour», которое действительно можно выразить формулой «раздражение — реакция»; 4) разговоры были относительно краткими, так что смена говорящих означала в целом конец одного «utterance» и начало другого; итак, материал представляет некое разграничение «utterance units»; 5) все языковые факторы, например жесты, исключались с самого начала, так как говорящие не могли видеть друг друга.

Из этой блумфилдской схемы раздражений и реакций Фриз делает вывод, что с точки зрения их функций звуки могут рассматриваться, во-первых, по отношению к ситуации, которая их вызывает (S), и, во-вторых, по отношению к реакции, которую они возбуждают (R). Для исследования живых языков последний путь ему кажется самым практическим.

Фриз группирует исследуемые им предложения таким образом, чтобы они регулярно противостояли следующим за ними реакциям. При этом он обнаруживает высказывания, которые регулярно вызывают устную реакцию (приветствие: *good morning — good morning*; восклицание: *Carol — what*; вопрос *Is Mr L there? — I'm sorry he isn't in just now*), далее высказывания, которые вызывают действия, частично сопровождаемые языком [приказ: *Just wire me collect if anything has happened — O. K. (Later the wire is received)*], и, наконец, высказывания, которые вызывают так называемые conventional signals of attention to continuous discourse, например вкрапленные в эти высказывания слова *I see, Good, Oh* и т. д.² (имеются в виду повествовательные предложения «statements»). Весьма сомнительна, однако, группировка, предполагающая в каждом случае сопоставление раздражения и реакции; кроме того, повествовательные предложения составляют 60% всех языковых высказываний. Таким образом, основные функции языка не исчерпываются функцией обращения, как считал Блумфилд, а после него и Фриз.

В тесной связи с этим стоит вопрос о значении языковых единиц вообще. Все критики обычно указывают, что структурализм рассматривает язык как чистую форму, не учитывая при этом значения. Это является веским упреком, если иметь в виду, что смысл и цель языка состоят как раз в том, чтобы служить средством общения людей между собой. Мнения американцев по этому вопросу расходятся. Одни (Харрис, Трейджер, Блох и др.) принципиально полагают, что чисто формальное описание языковых единиц без учета их значения возможно и может быть вполне исчерпывающим и что оно одно допускает точную формулировку результатов. Другие (Блумфилд, Фриз, Пайк и др.) открыто говорят о том, что вообще нельзя обойтись без значения (и с этим должны согласиться формалисты). Для Фриза, который основательно занимался этой проблемой в своей уже упомянутой книге «The structure of English», а также и в статье «Meaning and linguistic analysis», вопрос стоит по-другому: «Речь идет не об оппозиции между полной бесполезностью значения и его частичной и полной применимостью, а о том, чтобы установить, насколько и в какой форме следует учитывать значение для адекватного анализа»³. Фриз пытается доказать, что принципиальное исключение фактора «значение» исходит не от Блумфилда; следует иметь в виду при этом, что Блумфилд по праву упрекают в том, что он ведет себя в этом вопросе непоследовательно. Блумфилд настоятельно заявляет, что изучение звуков языка, не учитывающее их значений, есть абстракция, однако из его толкования значения языковой формы как «ситуации, в которой говорящие ее произносят, и реакции, которые она вызывает»⁴, следует, что научно точное истолкование значения формы языка предполагает научно точное знание мира говорящими. Это значит, что мы должны быть «всезнающими». Блумфилд, очевидно, путает содержание речевых высказываний вообще со значением лингвистических единиц, которое является единственным предметом лингвистики, и оставляет без внимания прежде всего диалектическое единство общего и частного в значении слова⁵. То, что такое единство существует, обеспечивает понимание людей между собой. Но это не означает того, что каждый говорящий употребляет языковую форму в особенном, только ему свойственном значении. Языковой знак относительно постоянен и обязателен внутри языкового коллектива, и практика вынуждает Блумфилда признать это. Язык не просто система условных рефлексов, а вторая сигнальная система. Хотя две ситуации никогда не бывают полностью одина-

¹ С. С. Fries, The structure of English, New York, 1952, стр. 3.

² Ср. С. С. Fries, указ. соч., стр. 41 и сл.

³ С. С. Fries, Meaning and linguistic analysis, «Language», vol. 30, № 1, 1954, стр. 60.

⁴ L. Bloomfield, Language, стр. 139.

⁵ Ср. особенно М. М. Гухман, Лингвистический механизизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», т. IV, 1954, стр. 131.

ковыми, Блумфилд все же предполагает, что определенные языковые высказывания по своему значению идентичны, так как «пока мы не обращаем внимания на значения, нельзя решить, являются ли две произнесенные формы идентичными или разными»¹. Без этого нельзя было бы определить дифференциальные признаки отдельных элементов. Важно прежде всего только то, различаются ли две формы по своему значению или нет, а не то, в чем собственно состоит это отличие. По мнению Блумфилда, точный анализ значения еще долгое время останется слабым местом в исследовании языка. Поэтому он принципиально требует, чтобы изучение языка всегда начиналось с фонетической формы, а не со значения. Значения... могли бы быть проанализированы и систематизированы лишь почти всезнающим исследователем².

Фриз различает, во-первых, «social-cultural meaning» в широком смысле слова и собственно «linguistic meaning», а также «lexical meaning» и «structural meaning». Существенными для него являются структурные, или, как называет их Блумфилд, конструкционные (иначе — функциональные), значения. По Блумфилду, конструкция включает в себя множество упорядоченных единиц или позиций, которые могут заполняться только определенными формами. Позиции, в которых может появляться форма, являются ее функциями. Все формы, которые могут стоять в какой-либо определенной позиции, т. е. все формы с одними и теми же функциями, образуют класс форм. Значение конструкции, соответствующий ей комплекс «раздражитель — реакция» он называет конструкционным значением (например, повествовательное, повелительное, вопросительное предложение), значение же позиции — функциональным значением (например, подлежащее, дополнение). Итак, структурные значения представляют собой синтаксические значения отношений, которые «сигнализируются» при помощи формальных средств. Эти формальные сигналы, которые обуславливают различие в структурном значении, являются поэтому для Фриза собственным объектом исследования, и он требует также формального описания языка.

Эти соображения нашли практическое отражение в его анализе английского предложения. Следуя за Блумфилдом, Фриз решительно выступает против традиционного понимания синтаксиса, согласно которому значение — «основа» исследования. Он придерживается мнения, что «грамматика языка состоит из элементов, сигнализирующих структурное значение»³, и предполагает, что эти структурные сигналы — чисто формальные и могут описываться «в физических терминах форм, соотношений этих форм и их перестановок»⁴. Кроме того, он полагает, что эти формальные сигналы функционируют в определенной системе. Элементы формы и перестановки могут быть сигнализирующими, только если они являются частью моделей структурного целого⁵.

Для понимания структурного значения, о котором идет речь, знание лексического значения слова менее важно, нежели установление класса форм, к которому принадлежит слово. Фриз доказывает это на примере двусмысленных телеграфных текстов: *Ship sails today*. Только если класс форм *ship*, resp. *sails*, характеризуется однозначностью (например, через функциональное слово *the*), структурное значение (повествовательное предложение: *The ship sails today* или повелительное предложение: *Ship the sails today*) будет ясным, а предложение понятным. Классы форм — это основные единицы предложения, так что можно сказать: «английское предложение — это не группа слов как таковых, а скорее структура, состоящая из классов форм или частей речи»⁶. Принадлежность к классу форм решается не на основе лексического значения слова, а на основе его формы и прежде всего его места в предложении по отношению к другим словам, в том числе и к сопроводительным функциональным словам. Фриз показывает это с помощью так называемых «nonsense words»: *A diggled woggled ugged a woggled diggle* (*A — ed — ed a — ed —*). Хотя это предложение не имеет смысла, оно узнается как английское, потому что его структура типична для английского языка и даже сигнализирует структурное значение (хотя и смутно), так как классы форм могут отождествляться. Недостает лишь лексического значения отдельных позиций, которые можно было бы, пожалуй, всегда заполнить словами, имеющими значение. Важным является указание Фриза на то, что формальные средства, которые сигнализируют структурное значение, могут изменяться в ходе исторического развития языка (ср. др.-англ. предложение *Glaedne giefend luja god* с его переводом на современный англ. *God loves a cheerful giver*).

В целом Фриз различает 4 класса форм, причем вместо традиционных понятий (существительное, глагол, прилагательное, наречие) он выбирает ничего не говорящие (а поэтому, по его мнению, как раз и подходящие!) обозначения: класс 1, 2, 3 и 4, так как для принадлежности к классу форм решающим является тот факт, что слово может занимать в исследуемом предложении типичную для класса позицию, не изменяя при этом его структурного значения, например: (*The concert was good (food, coffee, it)*).

¹ L. Bloomfield, Language, стр. 77.

² Там же, стр. 162.

³ C. C. Fries, The structure of English, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 64.

К 1-му классу, таким образом, принадлежат также личные местоимения, так как они могут заменяться существительными.

Остаются еще 154 слова, так называемые функциональные слова (артикли, прилагательные местоимения, числительные, предлоги, союзы, модальные глаголы и т. д.), которые в разговоре, состоящем из 1000 слов, составляют 7%. Знание этих слов необходимо при овладении каким-либо языком. Их лексическое значение едва ли можно отделить от структурного значения, сигнализируемого ими. Фриз не очень удачно делит их на группы от А до О. Эта строгая классификация позволяет Фризу представить каждое английское предложение или часть предложения в виде формулы (как пример структуры), вследствие чего лексическое значение не мешает формальному рассмотрению. Отдельные образцы предложений характеризуются выбором классов форм, а также их формой и отличительным формальным расположением. Интонация играет относительно небольшую роль, так что Фриз иногда, вопреки своему требованию притериваться разговорного языка, грешит против самого себя.

Гораздо строже поступает Харрис в своей книге «Methods in structural linguistics», которая в настоящее время многими рассматривается как стандартное произведение дескриптивной лингвистики. Почти излишне указывать на то, что Харрис в своей книге исходит главным образом из труда Блумфилда «Language». Цель его работы — найти по возможности более простые и целесообразные методы расположения (расстановки) фонологических и морфологических элементов языка, а также определить их распределение по отношению друг к другу (под распределением Харрис понимает сумму всех возможных «окружений», в которых может находиться какой-либо элемент). «Основной областью исследования дескриптивной лингвистики, ... является распределение или расположение некоторых признаков по отношению друг к другу в потоке речи»¹. Хорошим примером применения метода Харриса является его толкование фонемы, которое не основывается на обычной фонологической оппозиции. «Наш метод не зависит от фонемных противопоставлений. Фонемы образуются в связи с регулярными различиями, отмечаемыми в каждом окружении»².

Ввиду того что каждый элемент на каждой ступени исследования определяется суммой своих отношений к остальным элементам того же порядка, он теряет свою позиционную предметность и становится точкой пересечения пучков отношений. (Ср. подобную же точку зрения Ельмслева.) «Так как каждый элемент узнается соотносительно с другими элементами того же уровня и определенными элементами низшего порядка, рассматриваемые элементы представляют собой просто символы определенных соединений отношений: особые возможности встречаемости и особые отношения к другим элементам. Поэтому можно считать символы не выражением определенных наблюдаемых элементов, которые занимают „окружение“, а скорее самим „окружением“ и его отношением к другим окружениям, занятым тем или иным элементом. Мы можем говорить, таким образом, об отношениях между окружениями или о позициях как об основных элементах»³.

Этими элементами, которые больше не являются составными частями фактических языковых высказываний, а являются символами, можно довольно свободно оперировать. Каждое языковое высказывание можно перевести в комбинацию элементов отношений, а эти последние после окончания анализа перевести снова в язык. «Поэтому удобнее считать элементы чисто логическими символами, при помощи которых можно производить различные операции математической логики»⁴. Разница состоит только в том, что дескриптивисты, в отличие от логиков, анализируют фактически существующие языки.

Если учесть это сведение языка к системе чистых отношений, так напоминающее положение Ельмслева, то совершенно неудивительно стремление Харриса абсолютно исключить значение языковых форм. Однако он все же допускает его, чтобы определить, является ли форма повторением другой формы или нет. Если этого нет, то последовательное применение метода Харриса требует, чтобы обе формы отличались также с точки зрения своего распределения: «Затем мы обнаружим, что они отличаются по своему распределению (а отсюда!) и по значению»⁵.

После приведенного сжатого обзора мы можем ответить на вопрос, поставленный ранее, а именно, как американские структуралисты относятся к проблеме значения языковых единиц.

1. Следует различать лексическое и структурное значение (синтаксическое значение отношений). Под «значением» мы подразумеваем в общем лексическое значение.

2. Американские структуралисты теоретически едины в предположении, что языковые высказывания можно анализировать точно лишь в отношении их формы, тем более что различие в значении может выражаться формально (каждое определение, основанное на значении, ненаучно). Практически эти ученые признают также, что нужно учитывать значение языковых единиц по меньшей мере в смысле «дифференциального значения». Достаточно установить, что две формы различаются по зна-

¹ Z. S. Harris, *Methods in structural linguistics*, Chicago, 1951, стр. 5.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 370 и сл.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Там же, стр. 7, примеч. 4.

чению, при этом несущественно, в чем именно. Если исходить из практики, то наметенное вначале деление на две группы фактически является мнимым.

3. Однако из этого не следует делать поспешный вывод о том, что всем структуралистам была неясна основная функция языка как средства понимания. Значение исключается целым рядом исследователей только в силу их методических принципов, ибо до сих пор науке не удалось точно определить его. Так, Фриз предостерегает: «Традиционное использование понятия „значение“ как основы анализа не должно приводить к выводу, что я не считался со значением как с таковым, или что я отрицаю положение о том, что главная цель языка — сообщать различные значения. Лингвист должен постоянно оперировать значением»¹. Однако признание функции сообщения находится здесь в противоречии с методом, ибо оно не влияет на сущность метода.

4. Следует заметить, что ни у одного из названных исследователей ничего не говорится о взаимодействии формы и значения, формы и функции. В этой связи моя задача не состоит в разъяснении тезисов Хорна, касающихся проблемы формы и функции; мне хотелось бы лишь указать на то, что взгляд Хорна на функционирование языка был своего рода реакцией на теорию младограмматиков и что только Хорн в противоположность структуралистам, которые впадали из одной крайности в другую, нашел путь, который, по моему мнению, верно соответствует сущности языковых явлений, его диалектике, а потому и указывает на правильный выход из кризиса, который переживает языковедение. Может быть, небезынтересно узнать, что Блумфилд в своей книге «Language» хотя и приводит примеры из труда Хорна «Sprachkörper und Sprachfunktion»², все-таки не признает доводов Хорна и невольно возвращается на позиции младограмматиков, взгляды которых вполне соответствуют его механистическому методу. Исключения из механически действующих звуковых законов объясняются при помощи аналогических изменений или лингвистических заимствований; причины звуковых изменений отбрасываются как неизвестные. «Причины звуковых изменений — неизвестны»³. Блумфилд невольно поддерживает теорию Хорна, объясняя утрату окончания *-e* 1-го лица настоящего времени ед. числа как апокопу (стр. 382). Он пишет: «*OE (ie) singe > (I) sing*». По поводу развития латинского *amare habeo > франц. aimerai* он замечает следующее: «Это явление, должно быть, произошло при весьма необычных условиях»⁴. Это звучит малоубедительно, однако нам известны также подобные случаи из других языков (например, образование претеритума германских слабых глаголов с так называемым «дентальным суффиксом», фактически представляющим собой глагол *turn*)⁵.

Второй большой упрек, который можно сделать структуралистам, — это анти-историзм, характерный для большинства американских структуралистов. Блумфилд, например, откровенно говорит: «Для описания языка совсем не требуется исторических данных; в самом деле, исследователь, который опирается на такие данные при описании языка, всегда искажает факты»⁶. Это не мешает ему посвятить значительную часть своего произведения вопросам исторического языковедения, хотя он и не получает при этом сколько-нибудь ценных новых результатов. Для значительного числа дескриптивистов проблема синхронного или диахронного рассмотрения языка не существует. Объясняется это не столько влиянием де Соссюра, сколько практическими требованиями, а именно — спецификой исследования индейских языков.

Дескриптивисты ограничиваются регистрацией и описанием языковых явлений в том виде, какими они кажутся наивному говорящему, и сознательно лишают себя средства объяснить эти явления⁷. Каждый конкретный язык, в том числе и формальная сторона языка, которой структуралисты придают слишком большое значение, в любой момент существования является продуктом своего исторического развития, связанного в свою очередь, хотя и не непосредственно, с историей носителей языка. Различение синхронии и диахронии, несомненно, оправдано с точки зрения методики. Это, однако, не должно приводить к абсолютизации одного из указанных моментов. Как при синхронном рассмотрении языка можно не исключать фактора времени, так и при диахронном рассмотрении языка можно учитывать наличие системы. Неправильным во взглядах дескриптивистов является то, что они выдают свой основной недостаток (отсутствие исторического подхода к языку) за идеальное описание языко-

¹ С. С. F r i e s, The structure of English, стр. 8, примеч. 6. Ср. также Y. B. C a r r o l l, The study of language, Cambridge (Mass.), 1953.

² Ср. L. B l o o m f i e l d, Language, стр. 354, 363 и сл., 387, 415, особенно 388, где он по крайней мере иногда поддерживает «теорию семантической слабости», как он сам ее называет.

³ Там же, стр. 385.

⁴ Там же, стр. 415.

⁵ Ср. R. B e r n d t, Form und Funktion des Verbums im nördlichen Spätaltenglischen, Halle, 1956, стр. 21.

⁶ L. B l o o m f i e l d, Language, стр. 19 и сл.

⁷ Сам Блумфилд должен согласиться: «Лингвистические изменения особенно интересуют нас, так как они дают единственную возможность объяснить языковые явления» (L. B l o o m f i e l d, Language, стр. 281).

вого состояния (которого, строго говоря, даже и нет) и этот принцип переносит на такие языки, история которых хорошо известна.

Наряду с этой необходимой критикой нельзя, однако, не указать на положительные моменты в методах работы американских лингвистов, например их требование исходить из разговорного языка, а не из письменного образа. Это имеет значение не только для исследования языка в настоящее время; следует попытаться применить добытые таким образом сведения к разным периодам развития языка¹. Положительным также является и то, что исследование неиндоевропейских языков привело американских лингвистов к выводу, что понятия и представления, выработанные на основе индоевропейских языков, не должны переноситься на все семь языков, как это делалось до сих пор; язык должен описываться при помощи категорий, которые свойственны его структуре. Это звучит как азбучная истина, но новейшие публикации показывают, что мы еще не окончательно перешли от традиционной грамматики, ориентирующейся на классическую латинскую, к описательной грамматике (слово «описательная» здесь употребляется не в антиисторическом смысле, а лишь должно означать, что язык не терпит принуждения). Чтобы признать эти требования, не обязательно нужно быть структуралистом. Они, однако, подтверждают правильность того, что мы сами требуем от современного изучения языка.

Пражская школа (функциональная лингвистика)

Пражский лингвистический кружок (*Cercle linguistique de Prague*), который послужил образцом для уже упомянутых школ, был основан в 1926 г. проф. В. Матезиусом (1832—1945) и объединил ряд молодых лингвистов (в том числе Б. Гавранка и Б. Тракю). Этих ученых больше объединяли общие интересы к определенным проблемам общего языкознания, чем единые рабочие методы.

Возникает вопрос, можно ли говорить о пражцах как о приверженцах структурализма. Как известно, их способ рассмотрения языка существенно отличается от американского и копенгагенского. Они, например, никогда не теряли из виду связь языка с внеязыковой реальностью. Они менее притрагивались крайним новшествам во взглядах де Соссюра (строгое отличие «langue» от «parole» или отличие внутренних и внешних языковых явлений, строгое отграничение синхронии от диахронии, взгляд на язык как на систему чистых отношений и т. д.). Напротив, они скорее близки к тому, что в работе Соссюра является традиционным. В связи с этим Ельмслев упрекал их следующим образом: «Ими принимаются главным образом те части работы де Соссюра, где langue не отождествляется с чистой формой, а речь понимается как форма, находящаяся внутри субстанции, и зависит от нее»². Однако большую путаницу создало то обстоятельство, что пражская школа и фонология стали одним понятием, и если говорят о пражской школе, то подразумевают в общем фонологию. Менее известны теории, которые развивались этой школой в других областях, например перенесение основных понятий структурного рассмотрения языка на литературоведение. Без фонологии³ современная лингвистика немислима, значит: *ergo* если фонология является структурализмом, то каждый ученый, который занимается ею, в некотором отношении неминуемо должен быть «структуралистом». Само собой разумеется, что эта формулировка чересчур утрирована, но заключает в себе и рациональное зерно: фонология невозможна без структурного рассмотрения языка (мы избегаем «неприятного» слова «структуралистский», так как понятия «фонологический» и «неструктуралистский», или нефункциональный, несовместимы⁴. Существенно только то, что пражцы употребляют понятие «структуралистский» в связи с их понятием функции, и это отличает их от подлинных «структуралистов». Пражцы едины с остальными структуралистами, во-первых, в отказе от атомистического способа рассмотрения языка, типичного для младограмматиков, и придерживаются вытекающего отсюда положения о необходимости рассматривать язык как систему, во-вторых, в тезисе о том, что лингвистика — самостоятельная наука, которая строится на понятии языкового знака, а не конгломерата психологии, физиологии, логики и социологии. Кроме того, между ними существуют значительные различия. Поэтому если под «структурализмом» подразумевают в основном отрицательное направление в лингвистике, то в настоящее время о пражцах можно было бы говорить как о структурной или (по предложению Трнки) о функциональной лингвистике (следует подчеркнуть, что именно в настоящее время, так как до этого упомянутые положительные черты существовали только как тенденции и не у всех представителей пражской школы). Это отчетливо показала дискуссия о структурализме в журнале «Творба» (1951 г.), которая не привела к достаточно удовлетворительным результатам.

¹ Cp. W. H o r n — M. L e h n e r t, *Laut und Leben*, Bd. I, Berlin, 1954, стр. 69—71.

² L. H j e l m s l e v, *Structural analysis*, стр. 73.

³ Или, точнее, следовало бы говорить о фонологиях? Cp. G. D i e t r i c h, указ. соч. и С. К. Шаумян, указ. соч.

⁴ F. H i n t z e, *Bemerkungen zur Methodik phonologischer Untersuchungen*, «*Studia linguistica*», année 2, № 1, 1948, стр. 34.

Программа пражцев к I съезду славистов была разработана в октябре 1929 г. в Праге и появилась под названием «Thèses» в первом номере «Travaux du Cercle linguistique de Prague».

Пражцы рассматривают язык как систему целесообразных средств выражения, как функциональную систему. Изучение языка вызывает настоятельную необходимость считаться с различием лингвистических функций и способов их реализации в рассматриваемом случае. В противном случае (синхронная или диахронная) характеристика какого-либо языка «нарушается», а в некоторой степени и искажается. Звуковая и грамматическая структура языка и его словарный состав меняются именно в зависимости от этих функций и способов¹. В отличие от Ельмслева, под «функцией» они понимают не только внутреннюю взаимозависимость отношений, скажем, обеих функций знака, а цель, назначение языковых единиц.

Далее они подчеркивают, что лучшим способом исследования сущности и характера языка является синхронный анализ; однако в противоположность де Соссюру и женеvской школе они добавляют следующее: «Между синхронным и диахронным методами нет непроходимых преград»². В диахронический анализ должно вводиться понятие системы, в связи с чем делается следующее критическое замечание о де Соссюре: «Было бы нелогичным предположить, что лингвистические изменения представляют собой стихийно действующие „разрушительные“ явления, разнородные с точки зрения структуры»³. Следует постоянно иметь в виду воздействие отдельных изменений на систему. С другой стороны, синхронное описание, которое охватывает элементы языковой системы с точки зрения их функции, не полностью исключает понятие эволюции (например, в вопросе, продуктивна форма или нет). Практически пражцы вообще обращались к синхронному изучению языка. Это отчетливо видно из их стремления не к генеалогическому, а к типологическому сравнению языков, что дает возможность выявить существенные черты их системы и установить, какие вообще существуют типы языков. Сравнительно-исторический метод сменяется методом аналитического или синхронного сравнения структуры не только родственных, но и близких в территориальном отношении языков, образующих так называемые «языковые союзы» (например, балканские языки). В связи с этим выражается сомнение относительно ценности проблемы общего «праязыка»⁴. Это не должно означать, что типологическое сравнение, синхронное сопоставление на основе общих структурных признаков в некоторых случаях не может быть оправдано; при таком подходе, однако, необходим учет истории отдельных языков и их носителей⁵.

В разделе «Тезисов» о функциях языка или о языках с различными функциями делается различие между «langage intellectuel» и «langage émotionnel». Утверждается, что «каждый langage fonctionnel имеет свою систему условностей»⁶. Эта теория становится сомнительной, когда языковые слои или стилиевые уровни абсолютизируются до уровня «языков», а о литературном языке (la langue littéraire) и о языке поэзии (la langue poétique) говорят как о различных языках, которые должны принципиально отличаться, с одной стороны, друг от друга, а с другой — от народного языка (la langue populaire). Таким образом, нарушается единство национального языка и обнаруживается, что внешне привлекательный функциональный метод изучения не должен вводить в заблуждение относительно того, что у пражцев существовало еще много неясностей относительно сущности языка, его признаков и функций.

Особенно резко сказывается это при рассмотрении языка поэзии, который, согласно определению, направлен непосредственно на знак. «Организирующим показателем искусства, отличающим его от других семиологических структур, является направление намерения не на означаемое, а на сам знак»⁷. Знак (а он здесь означает языковое выражение) становится самоцелью. Всякая оценка языкового произведения искусства может исходить поэту из его языковой формы, что создает благоприятные условия для применения принципа «l'art pour l'art»⁸. Прежде всего нужно принять во внимание, что «Тезисы» были написаны в то время, когда в искусстве и в литературе были модны различного рода «измы» и когда в литературном языке обнаружили большие зло-

¹ «Thèses», TCLP, 1, 1929, стр. 14.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Cp. N. T r u b e t z k o y, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta linguistica», 1, 1939, стр. 8 и сл.; B. T r n k a, Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique, TCLP, 1, 1929, стр. 33 и сл.

⁵ Cp. G. P ä t s c h, Grundfragen der Sprachtheorie, Halle, 1955, стр. 177 и сл.; E. S e i d e l, Zur Lehrprägung, «Wissenschaftliche Zeitschrift. Ernest-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, № 1/2, Jg. VI, 1956/1957, стр. 55—56.

⁶ «Thèses», стр. 15.

⁷ Там же, стр. 21.

⁸ «Знак — это доминанта в системе искусства, и когда историк литературы избирает главным объектом своего исследования не знак, а означаемое, когда он изучает идеологию литературного произведения как независимую и автономную структуру, он разрывает иерархию ценностей изучаемой им структуры. Следует изучать поэтический язык в самом поэтическом языке» («Thèses», стр. 21).

употребления. Так, например, язык экспрессионистов, который подрывал правила грамматики, а свою бедность и неясность содержания «покрывал» избытком формальных элементов, в действительности имел мало общего с разговорным языком, и не случайно в «Тезисах» упоминается как особенность языка поэзии «элемент конфликта и искажения».

Почти через 20 лет (1957) Трка в журнале «Вопросы языкознания» в такой же декларативной форме выступил в дискуссии о структурализме¹. Мы имеем в виду совместную работу Трки с другими учеными, входящими в «Группу функциональной лингвистики», кружка современной филологии при Чехословацкой Академии наук в Праге. Статья, являющаяся критическим обзором, представляет собой отмежевание от других школ и одновременно программу на будущее. Это — не радикальный поворот, а в основном подтверждение собственной точки зрения в отношении некоторых вопросов; в некоторые вопросы вносятся исправления и уточнения, особенно в вопрос взаимоотношения между языком и обществом. Главная ошибка пражцев — как и структуралистов вообще — состоит в том, что они недооценивали связи языковой структуры с другими окружающими ее структурами. «Дальнейшее творческое развитие структурализма возможно только в том случае, если его представители будут стремиться к тому, чтобы, с одной стороны, понять языковую реальность во всех ее существенных связях с внеязыковыми реальностями, а с другой стороны, объяснить все средства, которыми пользуется язык»². Эта связь между языковой и внеязыковой реальностью проявляется ярче всего в области словарного состава, менее отчетливо она видна в области учения о звуках — главном объекте исследования пражцев. В этом скрывается одна из причин того, что эта связь ими недооценивается.

Оценивая две другие крупные школы структурализма, глоссематику и дескриптивную лингвистику, Трка предлагает для пражского структурализма название «функциональная лингвистика». Пражцы отмежевываются от теории Ельмслева как от науки а priori, создающей впечатление логически продуманного механизма, независимого от языковой действительности. С другой стороны, во взглядах пражцев есть точки соприкосновения со взглядами Блумфилда, хотя пражская школа и не придерживается того мнения, что семантические критерии не имеют значения. Наконец, пражцы отличаются от других кружков структурным истолкованием исторического развития языка. Язык является системой, которая находится в определенном движении во времени. При исследовании отдельных явлений нужно иметь в виду всю систему, ибо только тогда можно прийти к удовлетворительным результатам.

Трка следующим образом подводит итоги прежним трудам: «Структуралистские методы находятся пока еще в стадии разработки... До сих пор ни одной из школ не удалось сделать совершенно удовлетворительного описания какого-либо языка в целом»³. Однако применение структурных методов вполне возможно, если оставаться не только на почве языковых фактов, но и обращать внимание на связь между историей языка и историей данного языкового коллектива. Из сказанного понятие следующее определение: «Структурализм, на наш взгляд, является течением, рассматривающим языковую реальность как реализацию системы знаков, которые обязательны для определенного коллектива и подчиняются специфическим законам. Под знаком пражская школа понимает языковой коррелят внеязыковой реальности, без которой она не имеет ни смысла, ни оправдания своего существования»⁴. Объективные законы языка действуют не механически как законы естествознания, а имеют нормализующий характер и обычно имеют силу лишь для определенной системы, для определенного времени. Это не исключает того, что некоторые из них действительны для многих языков, пожалуй, для всех дошедших до нас языков, так как все языки, кроме своих особенностей, имеют еще сходства и общие черты, которые можно научно исследовать. Именно благодаря такому пониманию структурального исследования языка, при котором за языком закрепляется функция средства общения внутри общества, пражские функционалисты значительно отошли от двух других школ, и остается лишь ждать, к каким практическим результатам это приведет.

4

На этом я заканчиваю свой краткий и, к сожалению, далеко не полный обзор путей и целей трех значительных школ структурализма. Полнота изложения не была моей задачей; я надеюсь, однако, что мне удалось ознакомить читателей с проблематикой этого часто упоминаемого, но многими пренебрегаемого, а многим неизвестного направления в современном языкознании. Для меня было важным указать на общие исходные пункты и линии развития и, может быть, побудить к критическому обсуждению того или иного затронутого здесь явления, что в «худшем случае» могло бы при-

¹ Ср. также: Б. Г а в р а н е к, К. Г о р а л е к, В. С к а л и ч к а, П. Т р о с т, Материалы к IV Международному съезду славистов [Ответ на вопрос № 7: Что нового внесла структуральная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?], ВЯ, 1958, № 2.

² «Thèses», стр. 47.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 44.

вести к укреплению и систематизации собственных взглядов на язык. Было бы интересно продемонстрировать различия между методами отдельных школ при помощи одного единственного примера. Такое сравнение, однако, увело бы в бесконечность и потребовало бы сотрудничества представителей всех указанных школ.

Вместо этого я хотел бы возвратиться к поставленному выше вопросу: совместим ли структурализм с языковедением, базирующимся на марксизме, может ли он вообще способствовать развитию марксистского языковедения? Было бы безрассудным и поверхностным в настоящее время сразу же дать отрицательный ответ на этот вопрос, как это уже часто случалось. Необходимо уяснить, что же собственно является марксистской лингвистикой; этот, казалось бы, простой вопрос, как показала практика, еще не разрешен удовлетворительно. Кроме того, практическая работа с языком и над языком должна доказать пригодность или непригодность структурных методов, их преимущество или их несостоятельность по сравнению с традиционными или с другими новыми методами.

Уже сейчас можно сказать, что теория Ельмслева едва ли имеет практическую ценность. Этого нельзя сказать о работах американцев и особенно пражцев, которые в области фонологии, на которой я здесь не мог остановиться, дали очень ценные исследования систем отдельных языков. Я упоминал уже в ходе своего изложения о положениях структуралистов, которые можно приветствовать, например: рассмотрение языка как системы, исследование разговорного языка, изучение языка при помощи понятий, которые ему свойственны. Я считаю также употребляемое Фризом название «структурное значение» весьма плодотворным. Следует отметить, что эти положения можно проводить в жизнь и не будучи структуралистом; также надо сказать, что они выдвигались и другими направлениями в лингвистике.

Структуралисты могли бы возразить, что это один из способов расправиться с учением структурализма. Здесь есть какая-то доля правды, но этот аргумент, однако, не является решающим, так как только что упомянутые «позитивные» положения собственно не касаются зерна структуралистского учения. Наряду с ними есть и другие, более существенные положения, которые являются абсолютно неприемлемыми, например положение об исключительно синхронном рассмотрении языка, которое в настоящее время очень актуально. Труды структуралистов ясно показали, что язык не может уподобляться совокупности химических соединений, что он представляет собой исторически развивающийся живой организм. Было бы нелепым, если бы мы отказались от замечательных результатов исторического исследования языка. Мы бы только лишили себя возможности исследовать языковые явления, внутренние законы развития языка. Языковедение есть и останется исторической и общественной наукой.

Рассмотрение проблемы синхронии и диахронии приводит к выводу, что было бы бессмысленным при всех здесь упомянутых альтернативах настаивать на примате одного или другого аспекта.

Мне кажется, что наилучшим путем является синтез, к которому, например, частично стремились и пражцы. Недостаток всех направлений языковедения состоит, по моему мнению, в том, что обычно требуют последовательности и единства теории без учета, если можно так выразиться, «непоследовательного» и «не единого» предмета исследования — языка. Каждая школа несомненно вносит свой ценный вклад в исследование языка, но каждая школа рассматривает его односторонне. Отпугивающее название «структурализм» поэтому не должно препятствовать принятию того, что кажется нам особенно ценным. Мы при этом не отказываемся от основной марксистской концепции. Мы будем критически проверять, но у нас нет оснований, подобно Ельмслеву, превращать языковедение в *tabula rasa*. Как сказал Штейниц, «марксизм рассматривает себя не как совершенно новую науку, построенную на „*tabula rasa*“, а как наследницу всех знаний, добытых всей прежней наукой, которую марксизм продвигнет вперед на методически более высоком уровне».

К. Хансен